

Московская табла, 1962 21 декабря

БАНКРОТСТВО ГОДЕФРУА

ТЕАТР

Имя артиста Владимира Иосифовича Раутбарта совсем недавно стало известно москвичам, хотя за его плечами большой творческий путь, десятки ролей, сыгранных им на периферийной сцене, в частности в Свердловске, откуда он и пришел в Московский театр имени Пушкина.

Когда в искрометном, жизнерадостном спектакле «Свинные хвосты» мы впервые познакомились с В. Раутбартом в роли Антонио Ржапека, прежде всего поразили безграничные сценические возможности актера: Ржапек то и дело попадает в неожиданные смешные положения, вся роль развертывается как каскад занимательных трюков, выполняемых легко, темпераментно, увлеченно, в стремительном ритме. В этом же плане острого гротеска сыгран дядюшка Холстомеров в спектакле «Последние соловьи». Впрочем, здесь за ироническим и смешным вдруг проскальзывают незлобивость, добродушие человека с наивным и чистым сердцем, угадывались иные актерские краски.

Новые спектакли — новые роли. Сдержанным, молчаливым предстает В. Раутбарт в образе американца Эдлая Гомильтона («День рождения Терезы»): где-то позади осталась большая жизнь, поиски справедливости, бои в Испании. Здесь, на Кубе, он увидел зарю нового мира и, приветствуя ее, достойно принял смерть как солдат, как защитник будущего.

И вот новая работа театра — «Семья Годефруа» Рольфа Шнайдера, поставленная режиссером Е. Евдокимовым, неожиданно раскрыла В. Раутбарта как актера большого драматического дарования.

...Германия военных лет. Распад семьи Годефруа, где возникают сложные идейные и моральные конфликты. В судьбе главы фирмы — старого Годефруа как бы сошлись все противоречия тревожной эпохи. В. Раутбарт играет его с неожиданной трагической силой: в сложном, запутанном клубке его чувств переплелись любовь к детям, верность нацистским идеям, прозрение надвигающегося краха.

О старшем Годефруа говорят задолго до его появления на сцене: властолюбив, деспотичен, предан фюреру, интересы завода ставит выше судеб детей... Так и ждешь появления матерого фашиста с орденами на груди. Поэтому уже первая встреча с Годефруа — В.

Раутбартом кажется неожиданной. Он выходит в строгом черном костюме, предельно замкнутый, молчаливый. Глубоко внутри затаены тревоги, раздумья, скорбь. Говорит неторопливо, как бы изучая собеседника, взвешивая каждое свое слово. Официально вежлив с майором, который привез ему личные поздравления фашистских главарей, с оттенком скрытого недоброежелательства относится к своему сыну Зигфриду, ставшему сотрудником гестапо; только при взгляде на младших детей — Анну-Марию и Гюнтера его лицо светлеет, в голосе звучат непривычные нотки нежности.

А вокруг Годефруа рвутся привычные устои жизни. На заводе саботаж; в важных военных заказах все время обнаруживается брак. Старший сын Бернер давно уже стал антифашистом, руководя заводом, делает все от него зависящее, чтобы оружие не попало на фронт. Любимец семьи — юный Гюнтер не знает, что делать с собой.

Все это видит и втайне понимает Годефруа. Но что-либо изменить уже не в его силах. Скорее с просьбой и тревогой он разговаривает с Гюнтером, не требуя и не приказывая, как это было когда-то.

Два эпизода спектакля особенно значительны и впечатляющи в рас-

крытии образа Годефруа В. Раутбартом.

На заводе Зигфрид и его помощники нападают на след саботажа, должно произойти разоблачение Вернера. Его ждут гестапо, пытки... В остром столкновении, когда брат осуждает отца на гибель, Годефруа не принимает участия. Он внешне спокоен, лишь напряженная, окаменелая поза, нервный жест артиста выдают его скрытое волнение. Это молчание страшно: в нем осознание катастрофы, утраты всего, что создавалось десятилетиями жизни. Годефруа молчит, и в этом его бессилие — приговор Зигфриду, боль за младшего сына Гюнтера, который невольно выдал Вернера.

Наконец, последняя сцена — чествование Годефруа. Гости, тосты, музыка. На все это Годефруа — Раутбарт смотрит потухшими, отсутствующими глазами, механически благодарит, произносит привычные слова. Кажется, уже ничто не пробудит его к жизни. И вдруг случается то, что угадывалось в смутном, тревожном предчувствии — Гюнтер покончил с собой. И отец начинает говорить бессвязно, путано, изнемогая от боли. Может быть, впервые в жизни он произносит простые, выстраданные, человеческие слова...

— Я за два дня потерял двух сыновей. — с трудом выговаривает Годефруа. — Почему?. Зачем?..

Возветные вопросы мучают, обступают со всех сторон. Раутбарт глубоко, волнующе передает трагическое крушение сильного человека, который накануне смерти понял жестокою бессмысленность и тщетность прожитой жизни. Выстрадано, горько звучат его слова:

— Завод — это чудовище, которое все пожирает, все мысли и чувства...

Для него нет выхода. Банкротство, тупик, смерть.

Так образ старого Годефруа убедил, заставил поверить, что в даровании В. Раутбарта таятся иные, еще не вполне раскрытые возможности трагедийного артиста. Хочется увидеть его в шекспировских трагедиях, в драматических образах Горького и Чехова. Наконец, в серьезном, глубоком современном спектакле. Эти новые встречи с артистом безусловно принесут радость творческих открытий. Обогащать большое искусство театра.

Н. ПУТИНЦЕВ.

